

мысли», Брюсов предлагал ему статью Банга о венском актере Й. Кайнце (в переводе Н. Е. Эфроса). См.: Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960. С. 180–182.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-161-182

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ ВАДИМА БАЯНА: ПИСЬМА К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. В. КРУСАНОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

Вадим Баян — литературное имя Владимира Ивановича Сидорова (1888–1966), до последнего времени известное в основном в связи с литературной биографией В. В. Маяковского, вместе с которым В. Баян участвовал в нескольких крымских выступлениях (январь 1914 года) и впоследствии публично протестовал против использования Маяковским его псевдонима в качестве фамилии одного из персонажей пьесы «Клоп». Вся остальная поэтическая деятельность В. Баяна никогда не привлекала широкого внимания публики и известна сегодня главным образом только специалистам.¹

В кратких биографических сведениях, посланных С. А. Венгеру (1914), В. Баян писал о себе в третьем лице: «Вадим Баян (Владимир Иванович Сидоров) — поэт-лирик. Родился в 1888 году в Крыму, в крупной помещичьей семье. Образование получил реальное. В Петербурге прослушал курс естественных наук у Лесгафта. Первые его стихи появились в южных органах печати. В позднейшее время произведения его печатались в северных альманахах и литературных сборниках. Наиболее склонен к лирической эротике. В 1913 году выходит в свет в издании Т-ва Вольф первый том его стихотворений под циклом „Голубая симфония“. Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья — писатели Федор Сологуб, Виктор Муйжель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий Цензор и мн<огие> др<угие>».² Данные сведения дополняет несколько более пространственный вариант автобиографии: «Вадим Баян (Владимир Иванович Сидоров). Родился 11-го февраля 1888 года в Крыму в семье помещиков-южан, где и воспитывался. Образование получил реальное, но не официальное. Прослушал курс естественных наук у Лесгафта в С.-Петербурге. Будучи необыкновенно мечтательным мальчиком, детство провел в степях юга, где беззаветно отдавался поэзии и чтению книг. Любил бродячих цыган

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“») в НИУ ВШЭ.

¹ Укажем на следующие работы: Аброскина И. И. Баян Вадим // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 192; Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. Л. Дмитренко и А. В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. [Вып.] 23. С. 345–380; Шаргородский С. Собачество вселенских катаклизмов. Вадим Баян и русский авангард в Крыму // Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисловие и комм. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 8–51; Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 170–196. В статье А. Л. Соболева творческая деятельность В. Баяна в контексте литературных событий 1910-х годов и взаимоотношений с современниками описана с исчерпывающей полнотой, в ней, в частности, приведены фрагменты писем В. Баяна к Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (с. 176, 178, 181, 185, 190); в задачу настоящей публикации входит представление полного корпуса писем Баяна к Сологубу и Чеботаревской, документирующих как нюансы становления литературной биографии Баяна, так и специфику взаимоотношений маститых литераторов с молодыми поэтами-новаторами.

² Письмо В. Баяна С. А. Венгеру (30 января 1914 года) // ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров С. А.). Оп. 7. Ед. хр. 332.

и слушал их сказки. В 15 лет прочел всех классиков и выдающихся писателей мира. Будучи глубоким лириком и эстетом, в своем творчестве проводит яркую полосу изящной эротики, причем является самобытным и непохожим на других. Воспитанный ароматом степей, он не признает себе равных по силе духа поэтов. Печатается с 1908 года в южной прессе, а в позднейшее время изредка в северных изданиях средней величины. В 1914-м году книгоиздательство Т-ва М. О. Вольф в СПб. выпустило сборник его стихов под заглавием „Лирический поток“ (лирионетты и баркароллы) с предисловием И. И. Ясинского-Белинского и Игоря-Северянина. Много имеется критических статей о нем, но за незначительностью изданий, в которых они были напечатаны, не помещаем. Выдающихся людей в его роду не было. По национальности — чисто русский. По вероисповеданию — евангелический христианин».³

Поэт Борис Дмитриевич Богомолов (1886–1920) — товарищ В. Баяна в 1911–1914 годах — сообщал о нем несколько иные сведения: «Крупный землевладелец Крыма, помещик, родился в 1883 году».⁴

Эти автобиографические сведения резко контрастируют и даже входят в противоречие с тем, что В. Баян сообщал о себе впоследствии. Так, в 1950-х годах он утверждал, что родился не 11 февраля 1888 года, а 5 (17) января 1880 года, и не в крупной помещичьей семье, а в семье агронома, и не бродил в степях юга, отдаваясь всецело чтению стихов и книг, а работал конторским служащим и корректором в типографии. Можно понять причины, по которым он старался скрыть свое социальное происхождение, превратив себя из сына крупного помещика и мечтательного поэтически настроенного юноши в сына агронома, безликого конторского служащего и типографского корректора. Этого требовала его стратегия выживания и приспособления к послереволюционной действительности. Несколько иначе обстоит дело с датой рождения. По свидетельству самого В. Баяна, он ввел Венгерова в заблуждение сознательно. По-видимому, Богомолов тоже был неправильно им проинформирован, что характеризует В. Баяна как человека, склонного к дезинформации окружающих, в том числе и друзей, для создания себе более выгодной биографии. В 1959 году В. Баян признавался Н. Ф. Рябовой, составлявшей именной указатель к полному собранию сочинений Маяковского: «Поскольку Вы почти официальное лицо, я считаю себя обязанным сообщить Вам ТОЧНУЮ дату моего рождения, а не „дипломатическую“, как это позволено среди знакомых. Я рожден 5/17 января 1880 года. Но как не хочется слыть в обществе старым, когда кругом цветет молодость! <...> Если моя просьба не будет уважена, то прошу ничего обо мне не писать в Именном указателе».⁵ Учитывая чрезвычайно свободное обращение В. Баяна со своими биографическими данными, трансформируемыми в нужную сторону в зависимости от обстоятельств, дата рождения 1880 год тоже может показаться сомнительной, тем более что он передвинул не только год, но также и день и месяц. Можно понять, когда он в 34-летнем возрасте, будучи по характеру достаточно женственной натурой, хотел казаться 26-летним. Но это никак не объясняет изменение дня и месяца рождения.

Первым результатом большой начитанности Сидорова классической литературой стал роман в стихах «Сжатая лента» (Мелитополь, 1908),⁶ воспроизводивший ритмические интонации «Евгения Онегина», что воспринималось как откровенная, хотя и невольная, пародия на Пушкина. «Роман» заканчивался следующими стихами: «Я прежде жаждал прославления, / Мечтая в нем найти венец, / Теперь терплю и полн сомнения, / Судьбе вверяясь наконец». Никаких рецензий в прессе на «роман в стихах» не появилось, но, по-видимому, его автор вскоре осознал очевидную подражательность своей первой книги, потому что в дальнейшем никогда не упоминал об этом поэтическом дебюте. Не получив «прославления» после книги «Сжатая лента», Сидо-

³ Письмо В. Баяна С. А. Венгерову (<не ранее 1914 года>) // Там же.

⁴ Письмо Б. Д. Богомолова Э. П. Юргенсону (1915?) // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 560. Л. 1.

⁵ Письмо В. Баяна Н. Ф. Рябовой (3 мая 1959 года) // РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 9. Ед. хр. 5. Л. 1. См. также: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 192–193.

⁶ Книга, изданная тиражом 300 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» (1908. 29 нояб. № 47. С. 16. № 21367).

ров попробовал добиться славы на драматургическом поприще. В том же 1908 году он написал и отправил в Цензурный комитет пьесу «Поэт Пушкин», в предисловии к которой сообщал: «Находя необходимым привести жизненную трагедию великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина на сцену, я решил написать драму (руководствуясь сочинениями о нем, его биографией, письмами и народной молвой); наконец драма готова. В ней помещено четыре стихотворения, три из которых всецело принадлежат Пушкину, а одно последнее — Лермонтову, хотя все они переложены мною в другие слова». Пьеса поступила в цензуру 26 декабря 1908 года, и уже 2 января 1909 года цензор драматических сочинений барон Н. Дризен наложил резолюцию: «К представлению признать неудобным».⁷ Таким образом, все расчеты на сценическую постановку пьесы рухнули в самом начале, однако оставалась возможность публикации ее, что В. И. Сидоров и сделал осенью 1909 года, опубликовав пьесу «Поэт Пушкин» отдельной брошюрой.⁸ Для отзыва он послал ее редактору симферопольской газеты «Тавричанин» Д. В. Коломийцеву. Последний же поместил в газете разгромную критическую статью об этой пьесе. В частности, он писал: «Такого жалкого плода недомыслия еще не знала русская литература! Что за профанация великого имени, что за бесцеремонное обращение с национальною нашею гордостью и притом — заметьте! — с „благим намерением“... <...> Это прямо карикатура какая-то! Стихи Пушкина заменены пародией... <...> Боже мой, какое надругательство над гением!.. Вложить в его уста такие слова... Приписать ему бросание на пол перед гостями писем с призывом прочесть их... Как все это назвать?

Г. Сидоров, переделав стихи Пушкина в трех местах, заодно уж переделал и стихи Лермонтова. „Подправил“. Все его изделие в полном составе каждую своею строкою вызывает к себе прямо отвращение. Разве можно так непростительно грубо и карикатурно относиться к великим теням? <...> Дружеский совет г. Сидорову: собрать все экземпляры драмы и сжечь без остатка. Самые злые враги Пушкина не могли бы в своем слепом ожесточении измыслить всего того, что измыслил в своем слепом неведении г. Сидоров...»⁹

Сидоров направил в газету ответное письмо, где уличал своего критика в исторических неточностях.¹⁰ Однако Коломийцев, признав отдельные неточности в своей статье, заявил: «Дело не в незначительных неточностях, а в целом. В целом же драма г. Сидорова может рассчитывать только на полное отрицательное отношение к себе всех тех, у кого хоть сколько-нибудь развиты чувства правды, меры, эстетики».¹¹

Сидоров сотрудничал в «Тавричанине» с октября 1908 года и, несмотря на приведенную полемику с редактором этой газеты, продолжал это сотрудничество. Всего в 1908–1911 годах он опубликовал в «Тавричанине» около 50 стихотворений и стихотворных фельетонов. При этом в 1908–1910 годах он печатался за подписью В. Сидоров, но на рубеже 1910–1911 годов решительно изменил свой литературный облик и взял псевдоним Вадим Баян, который впервые был использован им 24 января 1911 года.

Последняя публикация, подписанная его настоящим именем, представляла собой мемуарный очерк «Мое посещение Л. Н. Толстого», в котором он описывал, как в декабре 1907 года во время пребывания в Петербурге он принес Толстому свои стихи с просьбой поспособствовать опубликованию их.¹² Очерк был написан психологически убедительно, но, тем не менее, вызвал подозрение у сотрудников «Синего журнала», обвинивших Сидорова в фальсификации воспоминаний в саморекламных целях: «Это такой огромный цветок в общем венке пошлости, лганья и глупости на могиле

⁷ Рукописный экземпляр пьесы с резолюцией Н. Дризена хранится в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке.

⁸ Драма В. И. Сидорова «Поэт Пушкин» (СПб., 1910), изданная тиражом 400 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» (1909. 19 дек. № 49. С. 18. № 25921).

⁹ Коломийцев Д. «Поэт Пушкин». Драма в 4-х действиях В. И. Сидорова // Тавричанин. 1910. 7 янв. № 237. С. 2–3.

¹⁰ Возражение В. И. Сидорова // Там же. 21 янв. № 241. С. 3.

¹¹ Коломийцев Д. От меня // Там же.

¹² Сидоров В. Мое посещение Л. Н. Толстого // Там же. 2 дек. № 326. С. 4.

Льва Толстого <...>, хотя бы потому, что Толстого в декабре 1907 года в Петербурге не было».¹³

Письмом в редакцию «Тавричанина» Сидоров с негодованием отверг эти обвинения: «„Синий Журнал“ слишком много позволяет себе вторгаться в область диффамации среди чистых имен. В № 3-м названного журнала напечатана целая статья, забрасывающая меня незаслуженною грязью, под видом уличения в вымысле мною воспоминания в „Тавричанине“ о моем посещении Л. Н. Толстого в Петербурге в декабре 1907 г., когда Л. Н. временно был там. „Синий Журнал“ в большой мере старательно оплевал меня. Если бы он так уверенно принялся за очистку своей совести от подобных нечистот... Это было бы для него полезнее, чем упражнение в подобных инсинуациях и брани.

Считаю нужным в ответ „Синему Журналу“ сказать следующее: если он сам молод для того, чтобы помнить пребывание Л. Н. Толстого в Петербурге в декабре 1907 г., то пусть об этом спросит у старших».¹⁴

Однако сомнения охватили и редактора газеты, где был напечатан очерк Сидорова, и он сопроводил вышеприведенное письмо мемуариста своим комментарием: «При печатании заметки г. Сидорова о посещении им в 1907 году Толстого в Петербурге, у меня сейчас же возник вопрос: „Когда это Толстой был в Петербурге в 1907 г. так, что это осталось как бы в тайне?“ Не имея оснований к недоверию г. Сидорову, ввиду положительного утверждения им этого обстоятельства и ввиду переданного сообщения, я напечатал заметку г. Сидорова. Теперь г. Сидорову надлежит ясно указать — какого именно числа декабря 1907 г. он был принят Л. Н. Толстым в Петербурге? Где это было, т. е. в каком доме? Ведь все обстоятельства такого события должны быть вечно памятны у всякого человека, раз в жизни принятого Толстым... Г. Сидоров в частном письме ко мне просит разыскать указания в петербургских газетах 1907 г. и привести их под его письмом. Затрудняюсь: газет этого времени нет у меня. Я сделал запрос к одному из близко стоявших к Льву Николаевичу лиц — Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову».¹⁵

В петербургских газетах за декабрь 1907 года нет никаких упоминаний о пребывании Л. Н. Толстого в это время в Петербурге, хотя другие материалы о нем публиковались. Появилось даже одно сообщение о происшествии с Толстым в Ясной Поляне, на основании которого можно было утверждать, что, по крайней мере, с конца ноября по 11 декабря 1907 года Толстой совершенно определенно находился в Ясной Поляне.¹⁶ Впоследствии биография Толстого была расписана чуть ли не по минутам. Согласно фундаментальной работе Н. Н. Гусева «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910» (М., 1960), Толстой в 1900–1910 годах вообще ни разу не приезжал в Петербург, а в 1907–1908 годах жил все время в Ясной Поляне, не покидая пределов Тульской губернии.

Больше никаких заметок по поводу этой истории в печати не появлялось. Сам Сидоров никаких уточнений даты и адреса своей встречи с Толстым делать не стал. Более того, уличенный во лжи, он никогда больше не упоминал об этом событии, а при публикации своих стихов именно с этого момента стал использовать псевдоним В. Баян.

Изменение литературного имени, безусловно, было связано не только с желанием отмежеваться от скандального оттенка его литературной известности, вызванного упомянутыми публикациями, но и с переменной поэтических ориентиров молодого поэта, произошедших во время его пребывания в Петербурге. В это время он завязал дружбу с петербургским поэтом Борисом Богомоловым и способствовал публикации стихов последнего в газете «Тавричанин». Богомолов в долгу не оставался и, обнаружив в Баяне желание быть прославленным, и устно, и письменно пел панегирики сво-

¹³ [Б. п.]. Как делаются Тенеромами // Синий журнал. 1911. [Январь]. № 3. С. 7.

¹⁴ Сидоров В. Письма в редакцию // Тавричанин. 1911. 27 янв. № 341. С. 3.

¹⁵ Д. К. [Коломийцев Д.]. От ред<акции> // Тавричанин. 1911. 27 янв. № 341. С. 3.

¹⁶ Ст-н А. [Столыпин А. А.]. Заметки // Новое время. 1907. 18 (31) дек. № 11412. С. 4; Случай с Л. Н. Толстым // Русь. 1907. 19 дек. № 340. С. 5. См. также: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 2: 1906–1907. С. 577–606 (Лит. наследство. Т. 90).

ему богатому приятелю. А поскольку, по характеристике И. Северянина, Баян был «человек добрый, мягкий, глупый, смешливый, мнящий»,¹⁷ то за эти панегирики он искренне привязался к Богомолу.

В то же время Богомолу рассказал о В. Баяне И. Северянину, и последний в письме Богомолу сообщил (28 июня 1911 года): «Хочу выслать книжки Вашему южному другу, — дайте адрес».¹⁸ Таким образом, первые письменные контакты И. Северянина и Баяна состоялись, вероятно, уже летом 1911 года. И вскоре Баян оказался под влиянием поэзии И. Северянина.

Богомолу так характеризовал творчество В. Баяна в этот период: «Женственность и нега рассыпаны в изящных лирических произведениях поэта Вадима Баяна, певца юга, баяна красоты южных девушек, влюбленного в капризную их экзальтированную душу. <...> Без влияния Бальмонта или его славного современника Валерия Брюсова не обходится и не обходился еще ни один из новейших стихотворцев, но этого, к нашему удовольствию как читателей, так и критиков, нельзя сказать про поэта Вадима Баяна (Влад. Ив. Сидорова), который остался верен себе, самобытен и этим ценен и дорог, как самородный алмаз, найденный несколько лет тому назад. <...> Дмитрий Цензор, Яков Годин, Александр Рославлев, Андрей Белый — вот имена наших лириков, с которыми на одну высоту ставят ныне и поэта-южанина Вадима Баяна».¹⁹ В этом потоке славословия бросается в глаза то, что Богомолу, указывая на отсутствие влияния Бальмонта и Брюсова на поэзию Баяна, не отметил очевидное влияние Северянина, поскольку это противоречило бы тезису о «самобытности» его героя. Между тем именно такое мнение хотел создать о себе Баян, поскольку впоследствии сам напирает на самобытность своего творчества в автобиографических заметках, отосланных Венгерову.

Баян принял славословие Богомола за чистую монету. Он писал ему в ответ: «Как я был рад, когда прочел Вашу статью обо мне, Вы себе представить не можете. Вот если бы побольше таких статей, да в более солидных изданиях, тогда бы дух мой поддержался. Благодарю Вас, милый друг, за такое теплое слово — оно меня тронуло и ободрило так, как никогда. Я рад, что имею хорошего друга на севере, но грущу, что мой друг в нужде и что я не всегда могу помочь ему. Все время собирался послать Вам денег, да не мог и могу только после 20-го августа прислать некую толику, а теперь, как и друг мой, переживаю нужду (только у меня нужда большая) много долгов. Вот 8-го <его> м<есяца> должен платить в банк 600 р., затем 10 и 1000 р., а арендаторы не платят вследствие неурожая, дома ни сантима, дохода нет, хоть плачь».²⁰ Впрочем, через три дня он снова писал: «Ваше письмо полное скорби о тяжести жизни я получил и, разделив Вашу скорбь, посылаю Вам 25 р. <...> Тронут тем, что Вы устроили мое ст<ихотворение> во „Всемире“. Это приятнее всего сделанного Вами мне».²¹

Нехитрые приемы рекламы и саморекламы, использованные Богомолым и Баяном, постепенно набирали силу, и уже в автобиографических материалах В. Баян стремился приукрасить себя букетом из литературных имен, включив в число своих «литературных друзей» Ф. Сологуба, И. Северянина, В. Муйжеля и Д. Цензора. Странно, что он не упомянул в их числе Богомола, поскольку именно Богомолу редактировал стихи В. Баяна и много помогал в устройстве его литературных дел.²² Очевидно, для раздувания собственной славы он включал в число «литературных

¹⁷ Северянин И. Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 169.

¹⁸ Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005. С. 77.

¹⁹ Богомолу Б. Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. 28 июля. № 702. С. 2. Подробный анализ данной статьи см.: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 173–175.

²⁰ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (5 августа 1912 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 23–24.

²¹ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (8 августа 1912 года) // Там же. Л. 25–26. Имеется в виду журнал «Весь мир» (Санкт-Петербург).

²² См. письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (весна? 1914 года) // Там же. Л. 39. См. также: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 174–175.

друзей» только известные имена. Богомолов же литературной славы не имел, и Баян, очевидно, считал его недостойным упоминания.

Впоследствии роль рано умершего Богомолова как-то стерлась в памяти Баяна, и в своих поздних мемуарах он почти не упоминал о нем. Он предпочитал иметь более именитых друзей, среди которых доминирующее положение занял И. Северянин.²³

Привести Федора Сологуба в дом В. Баяна Северянин мог только во время пребывания в Симферополе в рамках совместного с Ф. Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской турне, т. е. в конце марта 1913 года. Именно после этого события и возникла переписка Баяна с Сологубом и Чеботаревской, в которой отразились все основные события предреволюционной биографии молодого литератора. Письма Баяна к потенциальным покровителям, по-видимому, полностью отложились в архиве Сологуба в Пушкинском Доме; они дают возможность составить представление о личности провинциального литератора-любителя, пытающегося обрести свое место в кругу столичной литературной элиты с помощью лести, доходящей до прямого заискивания, использования маски восторженного «вечного странника» с «чистой, безгрешной душой», принципиально отличающегося от «московских искателей-уродов, называющих себя мыслителями».

Если Богомолов и И. Северянин, поддерживая отношения с В. Баяном, рассчитывали вовлечь его в свою орбиту, используя его стремление к славе и большие, чем у них, финансовые возможности, то Сологуб, напротив, не был особенно заинтересован в дружбе с Баяном, хотя из вежливости поддерживал с ним переписку и посылал свои новые книги. Баян же в свою очередь определенно надеялся, что слава Сологуба сможет помочь и его литературной карьере. В частности, он рассчитывал, что Сологуб напишет предисловие к сборнику его стихов, первоначально носившему название «Голубая девушка» или «Голубая симфония», который он начал готовить еще летом 1912 года.²⁴ При этом небольшую долю славы от знакомства с Сологубом Баян получил уже в июле 1913 года. Дело было в том, что во время пребывания Сологуба, Чеботаревской и Северянина в Симферополе Баяну удалось устроить их общий снимок, на котором также фигурировали он сам и Богомолов. Этот снимок симферопольский фотограф не только преподнес его участникам, но и растиражировал для продажи в Крыму. Об этом снимке Богомолов писал Сологубу (12 апреля 1913 года): «Получилась с юга группа-фотография. Каким образом ее Вам переслать: почтой или лично завезти? Почта может изломать картон».²⁵ После появления в продаже этого снимка летом 1913 года возник всплеск популярности Баяна. Ему предложили сотрудничество в симферопольской газете «Южные ведомости», пригласили выступить на литературном вечере, а во время поездки в Евпаторию он оказался в центре внимания журналистов, о чем Баян сообщил в письме Богомолову 16 июня 1913 года.²⁶ Упомянутая в данном письме статья «У поэта Вадима Баяна» оказалась небольшим интервью с ним, помещенным в местной газете, где он, в частности, обещал напечатать «обзор сочинений его друзей — Федора Сологуба, Игоря Северянина и Анаст. Чеботаревской».²⁷

Судя по интервью, Баян изъяснялся заученными фразами, не имел никаких собственных мыслей и не мог сказать журналистам ничего оригинального, чтобы заинтересовать их. При этом он все-таки напечатал в «Евпаторийских новостях» три стихотворения, но никакого обзора сочинений своих «друзей» Сологуба и Северянина делать не стал, ограничившись только откликом на подготовленную Чеботаревской с предисловием Сологуба книгу «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века»

²³ Позднейшие свидетельства В. Баяна см.: Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому. С. 377.

²⁴ Богомолов Б. Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. 28 июля. № 702. С. 2. См. также: Летопись литературы // На берегах Невы. 1913. № 2. С. 8; № 6. С. 6; Письмо В. Баяна С. А. Венгерову (30 января 1914 года) // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332.

²⁵ Письмо Б. Д. Богомолова Ф. Сологубу (12 апреля 1913 года) // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 76.

²⁶ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (16 июня 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5; текст см.: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 177.

²⁷ Г-лик Д. У поэта Вадима Баяна // Евпаторийские новости. 1913. 14 июля. № 579. С. 3.

([М.]: Московское кн-во, [1913]).²⁸ В общем же неожиданный всплеск популярности после появления в продаже только одной фотографии вместе с Сологубом и Северяниным должен был убедить его в эффективности рекламы для кратчайшего пути к славе. Однако Сологуб и Чеботаревская относились к Баяну с иронией и в своем кругу посмеивались над ним.²⁹ Тем не менее в сентябре 1913 года В. Баян обратился к Сологубу с просьбой написать несколько строк в качестве предисловия к сборнику, получившему окончательное название «Лирический поток». Однако Сологуб, уже, по-видимому, раскусивший Баяна, категорически отказался от этого предложения. В итоге книга вышла с предисловиями И. И. Ясинского и И. Северянина. Однако Баян все же использовал имена Сологуба и Чеботаревской для рекламы своей книги, поместив в нее поэтические экспромты, которые ранее Сологуб и Чеботаревская вписали ему в альбом во время встречи в Симферополе (март 1913 года).³⁰ Столь беззастенчивое использование В. Баяном чужих имен в саморекламных целях не осталось незамеченным критиками.³¹ Сологуб и Чеботаревская вполне закономерно были недовольны тем, что их стихи, вписанные ими в альбом Баяну, тот поместил в качестве заставки к своему сборнику, о чем они, очевидно, прямо сообщили ему. В дальнейшем В. Баян в письмах к Чеботаревской и Сологубу демонстрировал все признаки уважения и дружелюбия, однако обиду на них он все-таки затаил, что проявилось при подготовке совместно с Богомоловым рекламного издания «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» (СПб., 1913). Подготовка этого издания осуществлялась Богомоловым, а за собой Баян оставил общее руководство и финансирование,³² делая акцент именно на рекламе: «Что надо помнить: журнал „Критик“ разослать во все издания столиц, провинции, заграницы, в „Times“, „Temps“, „Figaro“, „Tanin“, „Berliner Tagblatt“ и другие, все они, эти изд<ания> и другие, будут перепечатывать. Помните, что мы издаем его не для торговли, а для рекламы. Штук 50 не больше дайте в киоски Пташникова, чтобы мы красовались за стеклом. Больше не давайте, иначе рассылать нечего будет. <...> „Критик“ посылайте в каждую захолустную редакцию в провинции. Она от радости будет кричать (в благодарность за внимание), а нам лишний голос нужен, потом дадим печатный отчет о том, где о нас писали, и также разошлем по всем редак<циям>».³³

Выход из печати четырехстраничного буклета «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» с фотографией, сделанной в Симферополе, на которой были изображены Ан. Н. Чеботаревская, Ф. Сологуб, И. Северянин, В. Баян и Б. Д. Богомолов, а также со статьями, превозносившими творчество Баяна и Богомолова, по-видимому, рассердил Сологуба тем, что Баян цинично использовал свое знакомство с ним для саморекламы. Кроме того, Сологуб был неприятно удивлен объявлением, помещенным на последней странице буклета, в котором анонсировался поэтический вечер в Симферополе при участии Северянина, Баяна и других. Незадолго до этого Северянин довольно грубо отказался от второго поэтического турне с Сологубом и фактически прекратил с ним отношения. В целом, у Сологуба могло создаться впечатление, что его использовали и отбросили за ненадобностью. Утешением ему могла стать только резко негативная реакция на этот буклет одного из критиков: «В Петербурге появилась брошюра, какой еще не было на Руси.

²⁸ Баян В. Соцветие любви // Там же. 16 июля. № 580. С. 2.

²⁹ См.: Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (19 июля 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 176.

³⁰ Текст стихотворения Сологуба («На дальнем севере я не забуду...», 27 марта 1913 года) см.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 1914. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 416 (сер. «Литературные памятники»).

³¹ *Кречетов С.* Среди книг // Утро России. 1914. 22 февр. № 44. С. 2; *Белый Волк.* На Парнасе неладно // Голос Москвы. 1914. 27 апр. № 97. С. 3.

³² Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (17 ноября 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 12–13; См. также: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 182.

³³ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (октябрь 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 46.

На обложке группа, — сидят Сологуб, Ан. Чеботаревская, Игорь Северянин и два молодых человека: Вадим Баян и Борис Богомолов. Наверху жирно напечатано: „Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии“.

Открывайте и читайте, то бишь: стой, читай и удивляйся!!

— Имена титанов русской поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, К. Фофанова, М. Лохвицкой, И. Северянина, Петра Муринского (?!), Вадима Баяна и оригинальнейшего детского поэта Бориса Богомолова говорят о победоносном шествии творческого гения каждого из них по особому своему пути...

...Лирионетты и баркароллы Вадима Баяна издало лучшее не только в России, но и Европе, книгоиздательское товарищество М. О. Вольф в СПб...

...В изящных благоухающих лирионеттах и баркароллах поэта Вадима Баяна, певца женщин и девушек, поэта, в безумно-капризные их экзальтированные души рассыпана томная, девственная нега и страстность, отмеченные (!) лучшей европейской критикой, увенчавшей поэта Вадима Баяна лаврами первенства за психологию женщин...

...В постоянных скитаньях по свету, подобно Бальмонту, богатейший из наших поэтов по таланту, Вадим Баян своей экзотической страстью пережег столько женских сердец, сколько вряд ли пережигал Мопассан...

...Завоевал мировую славу В. Баян... Величайший из молодых мировых поэтов Вадим Баян... <...>

„Критик“ тщательно скрывается от взоров пишущей братии, а раздается публике, непричастной к писанью, — и барышням.

Так создается слава!

На Парнасе не ладно. „Грядущий“ хам пришел и нагло развалился на Парнасе.

Все его устремления, мечты и грезы — как ни на есть прославились... Стишонков и прозы не печатают, критика (американская и даже сызранская!) молчит, — а слава ползет, ползет... <...>

Господа, кто из вас читал хоть одну строчку Бориса Богомолова и Вадима Баяна?! Где они пишут, где пишут о них — в серьезной прессе?.. Откуда они?.. Кто?..»³⁴

Вопреки ожиданиям В. Баяна, рецензий на выход «Критика» было немного,³⁵ и все они были разгромные. Собственно, В. Баяну нужна была именно такая ругань, чтобы иметь повод для публичной полемики. Собрав все негативные отзывы о себе, появившиеся в печати после выхода «Лирического потока» и «Пантеона мировой изящной литературы», он разразился по поводу их авторов негодующим письмом, которое опубликовал в виде листовки и, очевидно, разослал по редакциям газет и журналов. Несомненно, это была тоже рекламная акция, поскольку в этом «литературном циркуляре» Баян причислил себя к аристократам духа, а всех своих критиков (С. Городецкого, В. Пяста, С. Кречетова и др.) представил «хитроумными неудачниками», которые якобы эксплуатируют его имя и нагло «греются у его костра».³⁶ Фактически он приписал своим критикам собственную саморекламную стратегию. Что касается Сологуба, то его отношения с Баяном были прерваны в мае 1914 года после того, как Сологуб отказался напечатать его произведение в журнале «Дневники писателей». Тогда же прервались отношения Баяна и с Богомоловым и Северяниным. В последнем письме Богомолову Баян писал: «Мне кажется, что Вы на меня сердитесь, но Бог с Вами, я не виноват ни в чем. Северянин тоже сердится за то, что я не посылаю ему денег. Бог с Вами совсем, любите Вы меня, как видно, за деньги, а как только скажи „нет“, так все и отстанут и дружбы той чистой, светлой, идеальной как не бывало... Бог с Вами».³⁷

³⁴ *Белый Волк*. На Парнасе неладно. С. 3.

³⁵ См. также: *Алибер*. «Пантеон» // Южная речь (Мелитополь). 1914. 5 янв. № 222. С. 2.

³⁶ *Баян В.* Литературный циркуляр. Симферополь, 1914.

³⁷ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (конец апреля — май 1914 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 29–30.

Письма В. Баяна печатаются по автографам, хранящимся в личном фонде Федора Сологуба в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622 — письма к Ф. Сологубу; Оп. 5. Ед. хр. 242 — письма к Ан. Н. Чеботаревской). Письма расположены в хронологической последовательности. Фрагменты писем представлены в составе статьи: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 176, 178, 181, 185, 190.

1

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Симферополь 14/V 1913

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Все время ношу в душе Ваши светлые образы и собираюсь написать Вам, но какие-то необъяснимые причины мешали моему желанию, и я, к сожалению, промедлил до сегодня. Ваше письмо очень меня порадовало в нашем скромном Симферополе. Такою нежностью веет каждое слово, что невольно верится в существование хороших людей, и душа, окрыленная новыми силами, стремится полет в заоблачные выси, в царство грез, где в солнечных цветах разметалась дремлющая, белогрудая царевна-Красота.¹ От души радуюсь, что Вы совершили свое турне благополучно и успешно.² До сих пор читаем отклики о Ваших выступлениях.³ У нас и поныне не перестают говорить о Вас помимо того, что в печати в течение трех недель после Вашего отъезда не смолкал шум.⁴ Победителем, конечно, вышел Шипулинский⁵ под псевдонимом «С. Нагель», написавший в «Кр<ымско> Вестнике» великолепную заключительную статью,⁶ которую я, как и все другие, — переслал Игорю Васильевичу.⁷ Очень жалею, что в Петербурге не мог дожидаться Вашего приезда, но оставаться там было положительно невозможно вследствие большой сырости и слишком «дружеских» отношений приятелей, беспощадно таскавших меня в ночные прогулки по ресторанам, редакциям и другим увеселительным местам. Измучившись без сна и отдыха, я 7-го апр<еля> с курьерским укатил домой, где очутился ровно через 36 ч<асов>.

После Вашего отъезда написал несколько стихотворений. Лирионэтту «В музыке волн», которая в сборнике будет посвящена Вам,⁸ вместе с новым взял у меня Шебуев⁹ для «Солнца Р<оссии>»,¹⁰ а второе, которое Вы читали, я переделал, назвав его «Пробегом метеора», после чего оно получило более яркий облик и вместе с другими было выпрошено Виктором Муйжелем¹¹ для каких-то журналов и сборников.¹² Вот оно в последн<ей> ред<акции>:

Пробег метеора

Я пронесусь над темным миром гордо,
Как в час ночной далекий метеор, —
Не загремят в душе моей аккорды
В ответ на твой неотразимый взор.

Не прозвучит моя лирионэтта,
Хоть истерзай меня и прокляни, —
Я разметал в кровавых бурях света
Своей души мятежные огни.

На всех путях в экзальте упоений
Неслись ко мне горящие сердца —

И на костре безумных наслаждений
Сгорел венок безумного певца.

Я не хочу ни верить, ни молиться, —
Венчает смерть мой одинокий путь —
И жажду лишь на грудь твою склониться
И в голубых мечтаньях утонуть.

Помимо того, что своими эксцентричными стихами я хочу изобразить муки человеческого духа, путающегося в сетях болезненной любви, и формы, в которых проявляется любовь нашего времени, я бросаю укор судьбе писателя и взываю, как некогда Федор Кузьмич (великий Ф. Сологуб) — «Отец мой, Дьявол, спаси меня, ведь я тону!»¹³ и верю, что только Дьявол, только превратный путь, оглушенный исступленным воплем, может спасти погибающего пророка. Путь же прямой слишком занят и недоступен. Вот одно из моих новых стихотворений<орений>:

Тропические стансы

Люблю дремать, когда цыганка
Мне напевает триолет,
Когда хмельная мавританка
Вплетает в кудри амулет.

Люблю гореть огнем мадеры,
Когда, монистами звеня,
Черноволосые гетеры
В объятьях мучают меня.

Безумным зноем раскаленный,
Я пламенею и томлюсь
И, в дикой страсти исступленный,
Грозой проклятия молюсь.

Как видите, я снова склоняюсь перед женщиной на колени, умоляя простить брошенный гнев в первом стихотворении<орении> и снова целую ее ласкающие и всепокоряющие руки. Жизнь — пустыня раскаленная, а любовь — оазис, где путник отдыхает, — так сказано в одном из моих немногочисленных афоризмов. Только женщина, несущая и зажигающая любовь, и есть украшение на празднике, и без нее так было бы скучно на земле и жутко было бы смотреть на кошмарно бешеный бег человечества, несущегося в электрическом огневороте к загадочному СТАРТУ. А теперь так отраднo! Есть на свете НЯНЯ, которая убаюкивает и осыпает ласками сожженную зноем жизни душу вечного странника.

Извините, Анастасия Николаевна, что утомляю Вас длинным письмом. Кончаю.

Шлю Вам теплейший привет, как лучший показатель глубокого к Вам уважения, и низкий поклон дорогому Федору Кузьмичу, образ которого сияет в моей душе как солнце.

Душевно преданный В. Сидоров.

Наши также приветствуют Вас.

¹ Ср. стихотворное посвящение Б. Д. Богомоллова В. Баяну: «В его душе, как роза, чудной, / Золотокрылой, как мечта, / Пила напиток изумрудный / Царевна страсти — Красота!» (Баян В. Лирический поток. Лирионеты и баркаролы. СПб., 1914. С. V).

² Речь идет о поэтическом турне Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и И. Северянина (4 марта — 12 апреля 1913 года), получившем широкий резонанс в периодике, см., например: В. Т. [Тер-

Оганезов В. Я. Федор Сологуб о своей поездке // День. 1913. 28 апр. № 112. С. 6; подробнее о турне см.: Северянин И. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 704–710.

³ Выступление Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и И. Северянина в Симферополе (Городской клуб) состоялось 26 марта 1913 года ([Б. п.]. Лекция Федора Сологуба // Южные ведомости. 1913. 23 марта. № 68. С. 3). Сологуб читал лекцию «Искусство наших дней» по следующей программе: «1) Современное искусство существенно отличается как от тенденциозного искусства предыдущего периода, так и от самодовлеющего эстетизма „искусства для искусства“; 2) Неразрывная связь эстетических и этических основ нового искусства. Мораль и правда в искусстве (правдивость и моральность символического искусства, как искусства не тенденциозного); 3) Основные черты нового искусства. Символизм, как основа всякого большого искусства. Устремление к трагическому. Демократическая тенденция нового искусства. Индивидуализм; 4) Искусство, как выразитель миропонимания. Ирония и лирика. Неистовство быта и преображение его. Альдонса и Дульцинея, Айседора Дункан; 5) Искусство, как возбуждающая к действию сила (стремление к Новому). Достойное господство в новом. Новая красота, творимая по воле нашей. Отклонение от канонов, забвение заученных формул. Жизнь и смерть. Освящение влияния смерти. Врата смерти; 6) Переполнение искусства творческими силами влечет за собой творчество жизни. Суверенное Я; 7) Новое искусство стремится перешагнуть за пределы чистого искусства и преобразовать жизнь усилием творческой воли. Религиозные отношения искусства. Купол над жизнью; 8) Новое искусство утверждает жизнь как творческий процесс» ([Б. п.]. Лекция Сологуба // Там же. 24 марта. № 69. С. 4).

⁴ Отчеты о вечере см.: А. Д. [Дерман А. Б.]. На лекции Сологуба // Южные ведомости. 1913. 28 марта. № 71. С. 3; *Каска*. Неблаговидная проделка // Южное слово. 1913. 28 марта. № 183. С. 2; 31 марта. № 186. С. 2; [Б. п.]. Искусство наших дней (Лекция Федора Сологуба) // Крымский вестник. 1913. 31 марта. № 83. С. 4–5; *Нагель* С. [Шипулинский Ф. П.]. Мороженое из сирени // Там же. 2 апр. № 85. С. 2; *Каска*. «Вирелэ» // Южное слово. 1913. 4 апр. № 189. С. 2; А. Д. [Дерман А. Б.]. Мороженое из вранья // Южные ведомости. 1913. 9 апр. № 81. С. 3.

⁵ Шипулинский Феофан Платонович (1876–1942) — журналист, редактор крымских газет; после революции — актер, историк кино.

⁶ См.: *Нагель* С. [Шипулинский Ф. П.]. Мороженое из сирени.

⁷ Имеется в виду Игорь Северянин.

⁸ Стихотворение, посвященное Ан. Н. Чеботаревской, носило название «В музыке морей» (Баян В. Лирический поток. СПб., 1914. С. 31).

⁹ Шебуев Николай Георгиевич (1874–1937) — журналист, публицист, редактор-издатель некоторых журналов.

¹⁰ В журнале «Солнце России» были напечатаны следующие стихотворения В. Баяна (под псевдонимом «В. Б.»): «Гимназистки (Из альбома студента)» (1913. Сентябрь. № 40. С. 14–15) и «В сказке» (1913. Октябрь. № 42. С. 10).

¹¹ Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924) — прозаик.

¹² В книге «Ветви. Литературный сборник» (Пг., 1913) были опубликованы стихотворения В. Баяна: «В сирени», «Княжна вечерняя», «Спящей красавице» и «Грустящей девушке».

¹³ Неточная цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (1902).

2

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь 25/V 1913

Дорогой

Федор Кузьмич!

Сейчас получил Вашу книгу¹ и с сияющим лицом прочел на ней теплую трогательную надпись. Кроме чистого и признательного «спасибо», сердце, немеющее от восторга и умиления, ничего сказать не может, ибо оно сейчас, как дитя, убаюкано чем-то нежным и безмолвствует. Все время со дня Вашего отъезда у нас светло и радостно, чувствуется, что пробежало что-то светлое, величавое, осветившее наш духовный мир. Ваше общее посещение напомнило мне, как много в человеке красоты и силы и как преображает жизнь человека общение с новыми людьми. Был я в Петербурге

и по возвращении застал в Симферополе в полном разгаре шум и газетную полемику о Вас и Вашем общем посещении Симферополя. Много собрал газет, которым было приятно погреться у Вашего костра, и послал Игорю Васильевичу. Третьего дня получил от Анастасии Николаевны книгу «Любовь в письмах выдающихся людей», которая напоминает мне собой цветущую аллею поросшего сада, где душа, обвеянная хмелем любви и грустью о прошлом, погружается в некую дрему. Все любили, все горели и отражали это красивое горение в письмах. Каждое письмо захватывает в свой солнечный лабиринт и приобщает к своему миру, к своим переживаниям; каждое письмо затрагивает новую струну в сердце, и в тихом перезвоне струн слышится красивая вековая элегия человеческой души, исколотой остроу чувственностью и сочащейся томною и радостной любовью. Помимо книги Анастасия Николаевна прислала мне письмо, в котором пишет — между прочим — о возникновении у Вас планов организовать литературное кабаре² и издавать журнал «Дневник писателя». ³ Все это так интересно и особенно утешительно, что помимо таланта у Вас есть энергия делать жизнь и насаждать Красоту. От души желаю Вам сил и желаемого успеха.

О себе могу сказать, что пописываю понемногу стишки и лечусь от неврастения; после Вашего отъезда написал несколько стихотворений. Не могу не показать Вам одно из них — последнее, на днях написанное, ибо в нем говорится о самых чистых — юных женщинах.

Гимназистки.

Не обольстительниц-арфисток,
Не белогрудых амуресс, —
Люблю я нежных гимназисток,
Моих мечтательных принцесс.

Лилейных пальчиков касанье,
Смолисто-шелковая бровь
И юной груди изваянье
Заполонили сердце вновь.

Еще их розы не измяты,
В них веют солнечные сны,
Оне божественно крылаты,
Как провозвестницы весны.

Оне, как розовые зори,
Соццветьем новой красоты
Зажгли в моем потухшем взоре
Любовь и песни и мечты.

Хочется побольше написать к выпуску сборника моих стихов.⁴ В этом году *bataille des fleurs*,⁵ хочется бросить и свой букет в толпу, чтобы вызвать хоть одну улыбку мечтательной девушки. Все мои стихи перед выпуском непременно покажу Вам, чтобы узнать Ваше мудрое мнение о них и выпустить без дефекта.

20-го июня уеду в Евпаторию погреться на песке у моря; там чудный пляж и целебный песок — радиактивный. Шепот моря, вишневые зори южного заката и чары черноморских сирен — надеюсь — не пройдут в моей душе без отражения.

Шлю Вам сердечный привет и благодарность за память и любовь.

Душевно к Вам устремленный В. Сидоров

27/V 1913

¹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

² Планы создания «литературного кабаре» остались неосуществленными; подробнее см.: Галанина Ю. Е. Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // Русская литература. 2004. № 1. С. 225–234.

³ Журнал «Дневники писателей» стал выходить в 1914 году. Подробнее см.: Соболев А. Л. К истории журнала «Дневники писателей» (1914) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 555–614.

⁴ Сборник стихов В. Баяна «Лирический поток. Лирионетты и баркароллы» (январь 1914 года) вышел в издании товарищества М. О. Вольф.

⁵ Bataille des fleurs — «бой цветов» — карнавальное развлечение, во время которого бросают друг в друга букетами цветов.

3

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь 12/VI 1913

Дорогой

Федор Кузьмич!

Вернувшись из маленького, делового путешествия по Крыму, я получил Ваше письмо и том стихов,¹ которые меня очень обрадовали, и, тронутый Вашей внимательностью и памятью обо мне, приношу Вам сердечную благодарность. Вы, как философ, искатель и вершитель жизни, знаете — как скучно скитаться по мрачным дебрям жизни в поисках желанного выхода и как приятно бывает видеть вспышки мирноносных зарниц. Эти мгновенные вспышки ободряют, зовут, и душа, окрыленная лучезариями надежд, непреклонно стремится вперед, туда, где брезжат проблески улыбчивой зари; ей снится торная дорога, ведущая земного пилигрима в желанный, светлый край, в страну заманчивых сияний, где царствует Мечта.

Последнее время вообще живу толчками, как морфинист. Вот недавно видел Вашу драму «Заложники жизни»,² которая была великолепно поставлена в летнем театре группой артистов Александринского и др.<угих> спб. театров под режиссерством Всеволодского³ при большом наплыве публики. Наша тупоголовая газета «Южн<ые> Вед<омости>», составленная из захудалых грызунков и трущобных шнырей и вечно жаждущая чем-нибудь обратить на себя внимание, напечатала аршинную статью об этой драме,⁴ переплетенную неуместными замечаниями педантичного рецензентшишки. Несмотря на то, что на днях вторично меня пригласил редактор принять участие в газете, я готов печатно бичевать эту несправедливость. Газету высылаю, а потому не буду пересказывать статьи, скажу, что видеть эту драму с дивным образом Лилит⁵ — большое удовольствие. Такие творения манят в жизнь и распаляют жажду исканий красоты и сказочной Лилит. Ищу и я. Бегу!.. И в каждой женщине мне видится Лилит, но, ах, недолго это счастье! — лишь только прикоснешься — мгновенно сказка исчезает и остается грубая, опошленная Катя.⁶ Где она? Где? — зываешь и снова бежишь, превращая свою жизнь в порханье мотылька с цветочка на цветок за свежей утренней росой.

Мы и наши многочисленные знакомые часто вспоминаем о Вас, и на устах симферопольцев до сих пор звенит экспромт Богомолова:

Грозно поезд величавый
Загремел железом труб
И, блеснув горящей славой,
Крым покинул Сологуб. (так)

Фотограф продолжает наживаться, беспощадно продавая на паспарту и на открытках наши снимки. На днях будем слушать лекции свящ<енника> Г. Петрова⁷

на темы о литературе.⁸ В недавнем будущем К. Арабажин⁹ читает в Феодосии лекцию о Вас и об Андрееве.¹⁰ В мае гостил у меня Богомолов с женой. Хороший парень. Люблю его за то, что помимо огнедышащей силы сердца в нем царствует глубокий идеалист и вместе с тем аристократ духа. Чистота дружбы и бескорыстие тоже подкупают, свидетельствуя присутствие великой души. Как мальчик, он беспартиен и вместе с тем разнообразен в своем творчестве. В одном из своих стихотворений, за которое был привлечен властями, он гневно провозглашает:

Я — поэт-анархист... Нет царей надо мной!
Я природой свободным воспитан.
Ненавижу рабов я мятежной душой —
К ним презрением и злобой пропитан!

Я разрушил их капище — сумрачный Храм,
Где жрецы литургию свершали,
Погашу в нем дыханьем своим фимиам,
Разобью о камня сжимали,

На которых начертан пророков закон...
Растопчу их осколки ногами!

.....
.....

Пусть безумцем сочтен я, разрушивший Храм!
Пусть весь мир надо мною глумится! —
Захочу — я мгновенно обитель создам,
Где рабы станут снова молиться!

Влюбленный в детскую душу, он неразлучен с букашками. Во имя красоты поет гимн отчизне за державную победу над врагами. Тут же звенит в разливе блеска:

Вожгись, душа моя далекая,
Взгляни, как мир мечты красив! —
Он весь — поэма солнцестрокая,
Он весь — лирический мотив!

Простите, дорогой Федор Кузьмич, что я Вас утомляю, но не хочется замалчивать о большом таланте — грешно. На днях получил приглашение от женского клуба¹¹ принять участие в вечере в пользу недостаточных учениц Казенной гимназии. Польщен и постараюсь воспользоваться, если он состоится.¹² После 20-го уеду в Евпаторию, от туда напишу свои впечатления, хотя вкратце. Третьего дня выслал Вам по почте в гостинец <нрзб.> фрукты, не знаю — удачны ли.

Адрес Феофана Платоновича Шипулинского — Симферополь, Петропавловская ул., д. 20, кв. 2, да он получает, как и я, без указания даже улицы и дома — город маленький, и все знают.

Все шлем сердечный привет Вам и глубокоуважаемой Анастасии Николаевне.

Душевно преданный В. Сидоров.

13/VI 1913

¹ По-видимому, речь идет о книге: *Сологуб Ф. Собрание сочинений*. Т. XIII. Жемчужные светила. Стихи. СПб., 1913 (зарегистрирована в «Книжной летописи» — 1913. 15 июня. № 23. С. 36).

² Драма Ф. Сологуба «Заложники жизни» была представлена в Симферополе 4 июня 1913 года в Летнем театре Городского сада.

³ Всеволодский (Гернгросс) Всеволод Николаевич (1882–1962) — артист, театровед. Театральная труппа под управлением В. Н. Всеволодского гастроллировала в Симферополе 2–29 июня 1913 года и показала 16 спектаклей, в том числе «Дядя Ваня» (А. П. Чехов), «Мисс

Гоббс» (Дж. К. Джером), «Что иногда нужно женщине» (О. Уайльд), «Вишневый сад» (А. П. Чехов) и др.

⁴ Речь идет о театральной рецензии: А. Е. Городской сад. «Заложники жизни» — Сологуба // Южные ведомости. 1913. 7 июня. № 127. С. 3.

⁵ Главная героиня пьесы Ф. Сологуба «Заложники жизни».

⁶ Героиня пьесы «Заложники жизни».

⁷ Петров Григорий Спиридонович (1866–1925) — религиозный публицист, проповедник, лектор.

⁸ Г. С. Петров читал в Симферополе три лекции (Театр Таврического дворянства): «Литература и жизнь» (18 июня 1913 года), «Ценность жизни» (19 июня 1913 года) и «Идейная пустота современных литературных течений» (20 июня 1913 года). См. отклики на эти лекции: *Бель*. Лекция Г. С. Петрова // Крымская почта. 1913. 20 июня. № 72. С. 4; *Б-р Н.* [Бухбиндер Н.]. Лекция Г. С. Петрова «Ценность жизни» // Там же. 21 июня. № 73. С. 4; А. Л. 1) Литература и жизнь (Лекция Г. С. Петрова) // Южные ведомости. 1913. 20 июня. № 138. С. 3; 2) Лекция Г. С. Петрова // Там же. 22 июня. № 140. С. 3; [Б. п.]. Г. С. Петров // Там же. По окончании лекций он продолжил свое лекционное турне в Феодосии.

⁹ Арабажин Константин Иванович (1866–1929) — литературный и театральный критик, историк литературы.

¹⁰ Арабажин прочитал в Феодосии несколько лекций (зал Общества приказчиков): «Л. Н. Толстой как художник и социальный проповедник» (7 июня 1913 года), о произведениях Чехова (8 июня 1913 года), о творчестве Сологуба (9 июня 1913 года). Анонсы об этих лекциях были помещены в симферопольской прессе: [Б. п.]. Феодосия // Южные ведомости. 1913. 7 июня. № 127. С. 3; [Б. п.]. Феодосия // Там же. 8 июня. № 128. С. 3. Лекция о творчестве Л. Н. Андреева анонсировалась в прессе, но, судя по другим анонсам, была заменена лекцией, посвященной браку и женскому вопросу.

¹¹ В симферопольском женском клубе по вторникам устраивались лекции и концерты. См. заметки в газете «Южные ведомости» за 1913 год: Вторник женского клуба (8 янв. № 5. С. 3); Телеграмма женскому клубу (30 янв. № 25. С. 2); В женском клубе (5 фев. № 29. С. 3); «Вторник» женского клуба (7 фев. № 31. С. 3); «Вторник» женского клуба (12 фев. № 35. С. 3); Женский клуб (19 фев. № 41. С. 2); Женский клуб (5 марта. № 52. С. 3); Женский клуб (12 марта. № 66. С. 3); Женский клуб (19 марта. № 64. С. 2); В женском клубе (21 марта. № 66. С. 3); Женский клуб (30 марта. № 73. С. 3); Вечер в память В. М. Гаршина (2 апр. № 75. С. 2); Вечер в память В. М. Гаршина (4 апр. № 77. С. 3); Обычные «вторники» женского клуба (14 апр. № 85. С. 3); «Вторник» женского клуба (18 апр. № 86. С. 3); «Вторник» женского клуба (30 апр. № 96. С. 3); Женский клуб (14 мая. № 108. С. 2); Доклад В. Г. Тана в женском клубе (16 мая. № 110. С. 3); Женский клуб (28 мая. № 119. С. 2), и заметку: Лекция г-жи Тираспольской // Южное слово. 1913. 6 фев. № 143. С. 3.

¹² Сведений об этом вечере не обнаружено.

4

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Если у Вас будет несколько минут свободного времени, пожалуйста, прочтите хоть несколько моих стихотворений.¹ Мне очень хочется знать Ваше мнение о моих стихах.

С глубоким уважением В. Сидоров.

СПб. 28/IX 1913 Чернышев пер. Мариинск<ая> гост<иница>. Тел. 14-68

¹ Речь идет о стихотворениях, включенных В. Баяном в готовившийся к изданию сборник его стихов «Лирический поток». По-видимому, он рассчитывал получить письменный отзыв Ф. Сологуба и поместить его в качестве предисловия в своей книге.

5

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

К сожалению, быть у Вас не могу, — болезнь.

Очень прошу извинить и принять уверение в совершенном к Вам почтении.

В. Сидоров

СПб. 29/IX 1913

6

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Простите меня великодушно за то, что не мог быть у Вас вчера на обеде, сильно болел, а сердцем рвался к Вам. Умоляю Вас уделить мне 3 минуты, чтобы написать о моем творчестве хоть несколько слов, которые, каковы бы они ни были, безгранично меня обрадуют и разобьют препятствия к выходу моей книги под фирмой издательства <Т-ва Вольф>. *Иначе выхода нет.* Умоляю и жду; напишите хоть несколько слов, если Вы и теперь не отрицаете моего дарования. По получении мною Вашего письменного утверждения книга поступит в набор, ИНАЧЕ ВСЕ РУХНЕТ.

Храню лучезарную надежду на Вас, дорогой Федор Кузьмич, и жду мучительно.

Безгранично любящий Вас и преданный В. Сидоров (Вадим Баян)

30 сентября 1913 г.

Чернышев пер. «Мариинская гостиница»

7

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Ни о книжке Юрия Северова,¹ ни о самом Юрии Северове (возможно, что псевдоним) я пока не имею ни малейшего представления и удивляюсь, почему Вы такие вещи относите ко мне, а не к кому-нибудь другому, ведь не у одного же меня имеется фотографическая группа с Вами и Федором Кузьмичом, ведь эти карточки дюжинами раздавались направо и налево полноправными членами этой группы, да, кроме того, продавались фотографом. Разве я могу отвечать за небрежное поведение разных лиц относительно Вашего имени? Может быть, какой-нибудь Северов и напечатал книжку с Вашими портретами, но причем же тут я? И разве это уже значит, что эта книжка будет раздаваться на нашем вечере в Симф<ерополе>,² да я никогда не допущу распространения литературы, шокирующей Ваше и Федора Кузьмича имя, если это будет зависеть от меня, тем более на нашем вечере, по устройству которого я состою ближайшим участником, не допущу, во-первых, *из деликатности*, а во-вторых, потому, что я глубоко уважаю и Вас, и Федора Кузьмича и свято охраняю Ваши имена от всего, что может Вас оскорбить. Отказ Федора Кузьмича от написания предисловия к моей книге меня только опечалил, но нисколько не обидел. Я отлично понимаю, что писать и говорить против убеждения нельзя и что непризнание друг друга отнюдь не

уничтожает отношения, — у Федора Кузьмича своя полоса творчества, а у меня своя, я самостоятелен и *независим* и подделываться под чужой вкус *положительно не желаю*, у меня есть свое лицо. Я, конечно, молод, и, может быть, во мне литературная психика еще не развилась в достаточной степени, но я чувствую, что она быстро развивается и упрочивается в своей индивидуальности. Не разбираясь в моем творчестве, можно, конечно, подумать, что я ничтожество, невежда, бездарность, все потому, что из моей поэзии не кричит голос «упорного искателя» вроде А. Крученых³ да Василиска Гнедова,⁴ которые уважаемы за их «искания» и «зарождающуюся» философию при их глупейшем способе словесного выражения «религиозного экстаза» вроде «дыр бул щек беломотокийя».⁵ 5 лет тому назад, когда об этих господах Гнедовых еще никто не знал, я понимал, что наши переживания не укладываются в слова, и наблюдал, как самые обыкновенные идиоты выражали свои «невыразимые» желания прыганьем, кувырканьем, гримасами, всяким кривлянием и ревом, этот способ еще замысловатее, чем способ наших «уважаемых искателей», и вместо их способа я всегда любителям рекомендую способ моих идиотов, — способ примитивнейший, там яснее видно самоубийство человеческого «я», повторяю — самоубийство, а не самоосвобождение от смерти. Вот тут видна ошибка этих московских искателей-уродов, называющих себя мыслителями, а на самом деле являющихся пустым ничтожеством, не имеющим ясного мировоззрения взрослого и менее психопатичного человека, чем *все* на свете. Задумывались ли они хоть раз над тем, что если красота *оживляющая* никому не нужна, то кому нужно проявление религиозного экстаза? Если же они утверждают, что религиозный экстаз проявляется не для окружающих, а для самих искателей, то зачем продолжать жизнь — *движение*, которое является красотой и пропастью, вечно требующей удовлетворения *проявлением религиозных экстазов*? голову в петлю, и проявил раз навсегда свой экстаз, если красота не нужна.⁶ Вот она где мысль, вот конец их заблуждению, но они тут, находясь в тумане, софистически свертывают на инстинкт, и последний их вывозит, обнаруживая при том *все бессмыслие таких долгих и сложных исканий*. Извините, Анастасия Николаевна, что я Вас утомляю длинной речью, но я не могу не высказать своего *справедливого* негодования по поводу московских искателей, заполонивших *ленивые* сердца наших отцов, не желающих *вдумчиво* разобраться в бессмысленном кручении этих горе-мыслителей. Я тоже мыслитель, изучал философию, но уже пережег в себе неясное и стремлюсь к одному — строить жизнь, т. е. движение, которое, если вдуматься глубоко, есть сплошная красота, и если я умею строить красоту, т. е. жизнь движением поэзии, то я и являюсь строителем жизни, и я, только я, (а не московские футуристы) имею право назвать импульсом жизни и *документом*, дающим право мне существовать — инстинкт. Вот потому то, что я имею свое лицо и не хочу гримироваться под какого-нибудь Брюсова для того, чтобы понравится тому или другому. Кроме всего сказанного, если бы мои стихи Федору Кузьмичу и понравились, то отказу в написании предисловия место есть уже потому, что писание предисловий утомляет и физически, и нравственно. Я все это *понял, учел* и не считаю себя вправе претендовать на помощь Федора Кузьмича. Напрасно Вы думаете, что из-за этого я решил прекратить с Вами отношения. Нет, хотя я кой-кому, может быть, и кажусь иногда наивным из-за своей некрасноречивости, но для того, чтобы строить отношения на личной выгоде, прошу верить, я слишком большой джентльмэн, и Ваше предположение меня бы сильно обидело, если бы я не был убежден в том, что в дальнейшем Вы уже не будете подозревать во мне склонности к утилизации знакомства с Вами и Федором Кузьмичом. В том, что я у Вас не был, я еще раз извиняюсь, но опять же повторяю — тому была причина, — у меня было упавшее настроение и лихорадка. На какой почве — не знаю, но был болен. Кроме того, узнал, что Вы очень заняты, Федор Кузьмич сказал мне по телефону, что у него нет свободного времени абсолютно ни одной секунды, но это меня не так удерживало, я мог бы его совершенно не беспокоить, ограничившись официальным (дабы не задержать) визитом Вам. Отношений с Вами не порываю и не желаю порывать, наоборот, всегда стараюсь их упрочить... да неужели Вы думаете, что мне неприятно иметь таких хороших знакомых, как Вы даже в том сл<учае>, если Федор Кузьмич не написал мне предис<ловие>? Нет,

у меня слишком большое мирозерцание, и я в крупном не считаю с мелочами. Сегодня сделал запрос в Петерб<ург> по поводу Северова и его книжки.⁷ По получении ответа немедленно напишу Вам и, если получится книжка, пришлю. Во всяком случае будьте покойны, я деликатен и умею хранить хорошие отношения.

Прошу верить в мое глубокое к Вам
и Федору Кузьмичу уважение и преданность В. Сидоров

3/ХІІ 1913

¹ Юрий Северов — по свидетельству В. Баяна, под этим псевдонимом писала жена поэта Б. Д. Богомолова — Мария Илларионовна (см. п. 8). Однако достоверность этого свидетельства представляется сомнительной. Вполне возможно, что под этим псевдонимом писал сам Б. Д. Богомолов, тогда как версия, изложенная В. Баяном, была придумана с целью не обострять отношения Богомолова с Сологубом и Чеботаревской. Речь идет о четырехстраничной брошюре «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» (ноябрь 1913 года). См. о ней вступительную статью.

² Речь идет о предстоящем выступлении в Симферополе поэтов-футуристов, анонс которого был помещен в издании «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии». Этот вечер планировался на 30 декабря 1913 года с участием И. В. Игнатъева, И. Северянина, Б. Д. Богомолова, В. Баяна и артистки Бабочкиной (Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. СПб., 1913. С. 4), однако не состоялся, а вместо него было устроено турне «Первая олимпиада футуризма» с другим составом участников. Так, в симферопольской прессе сообщалось: «И мы, симферопольцы, не лыком шиты: к нам жалует сам г. Маяковский. Глава московских футуристов примет участие в предполагающемся здесь вечере... футуристов. Помимо г. Маяковского, в вечере „Первая Олимпиада футуризма“ примут участие: гг. Баян, директор петербургского журнала „Глашатай“ г. Игнатъев, Богомолов и др.» (Крымская почта. 1913. 11 дек. № 214. С. 4).

³ Крученых Алексей Елисеевич (1886–1968) — поэт, член группы «Гилея», основатель заумной поэзии.

⁴ Гнедов Василиск (Василий Иванович) (1890–1978) — поэт, примыкал к группе эгофутуристов.

⁵ Цитата представляет собой контаминацию двух разных заумных строчек А. Е. Крученых.

⁶ Фраза вписана сверху.

⁷ Очевидно, В. Баян имеет в виду свое письмо Б. Д. Богомолову.

8

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

21/ХІІ 1913

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Несколько дней тому назад получил ответ на запрос по поводу Юрия Северова, но Вам не сообщал об этом потому, что до сих пор ждал книжки названного автора. Юрий Северов — это псевдоним жены Богомолова, придуманный ею специально для памфлетов, выпущенных в ноябре в количестве 200 экз<емпляров>, и потому я не мог сразу догадаться, чья это работа, несмотря на то, что я даже субсидировал это издание. В редакционную часть этого издания за незначительностью его (оно всего стоит 25 р.) я не был посвящен и потому ответственности за него не нес.¹ Издание это мне пока не могут выслать, потому что растратили все до одного экземпляры, но утвердительно обещали на днях достать и прислать или мне или прямо Вам. По описанию Богомолова издание это представляет собой журнальчик в формате «Солнца Р<оссии>», в хорошей обложке которого заключается четыре странички текста с двумя памфлетами: 1) «Русская поэзия и ее титаны», 2) «Об учреждении кафедры детской литературы в европейских университетах и институтах» (Запрос Импер<аторской> академии наук). В первой статье хвалят Бальмонта, Брюсова и др., а особенно меня, а во второй указывают на необходимость учреждения кафедры детск<ой> литературы в названных местах. Все это Богомолы сделали от избытка энергии и симпатии ко мне, а для

вающей солидности издания сами же решили поместить *маленькое* клише нашей группы. Отрицательно ни о ком не отзывались, и вообще, по словам Богомолова, журнал носит характер солидного издания под названием «Пантеон мировой литературы». Ничего неприятного для Вас и Федора Кузьмича там нет, да они и не позволили бы себе помыслить о том, чтобы сделать что-нибудь неприятное, и уже по одному тому, что у меня с Вами хорошие отношения. Вчера телеграфировал, чтобы скорее прислали потому, что мне и самому уже хочется прочесть, что они там написали. Но раздавать на нашем вечере, имеющем быть 7-го янв<аря> в Симф<ерополе>,² означенное изд<ание>, как утверждают, *никто* не предполагал, а потому слух, дошедший до Вас об этом, неверен. Во всяком случае я бы конфисковал все издание и заставил бы своих товарищей, идущих на такие вещи, держать себя с большим достоинством.

За душевную сухость совр<еменной> литературной молодежи, за алчность к наживе и выгоде и вообще за отсутствие чисто человеческого дружелюбия и искренности мне и самому обидно потому, что из-за зверства других люди часто не доверяют моей чистой, безгрешной душе.

Все шлем Вам и Федору Кузьмичу привет и сердечно поздравляем с праздником Р<ождества> Х<ристов> и наступающим Новым Годом!

С глубоким уважением целую Вашу добрую руку В. Сидоров

¹ Баян сознательно дезинформирует Ан. Н. Чеботаревскую. Согласно его переписке с Богомоловым, он осуществлял общее руководство при подготовке этой брошюры и сам настаивал, чтобы в ней была помещена совместная фотография с Сологубом и Чеботаревской, отчетливо понимая ее рекламную функцию. В частности, он писал Богомолову: «Вслед за м<оей> книгой двигайте „Кр<итик>“ от своего имени, а я выкручусь перед Солог<убом>, и это будет хорошо» (Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову [декабрь 1913 года] // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 35–36).

² О поэтическом вечере в Симферополе 30 декабря 1913 года см. прим. 2 к п. 7. Поскольку на фотографии, воспроизведенной в «Пантеоне изящной мировой литературы и вселенской поэзии», вместе с Сологубом были изображены Баян и Богомолов, то Чеботаревская опасалась, что данная брошюра будет распространяться на симферопольском выступлении.

9

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Никогда не думал я обидеть Вас помещением Ваших стихов в книгу,¹ тем более что Вы сами разрешили мне это сделать. Что же касается триолета Федора Кузьмича, то он был помещен на основании меньшей претенциозности характера на рекомендацию, чем Ваше, *уже разрешенное* для помещения стихотв<орение>. При том сказано, что эти стихи взяты из альбома. Кроме всего, этого не думал, чтобы мои стихи навлекли на Вас брань критиков. При этом я всегда исключал кретинов вроде Городецкого,² который чахнет от тоски и желчи, наполняющей его завистливую душу. Он завидует Северянину, злится на Вольфа³ за то, что он только в прошлом году согласился издать его, а потому облаял. Попутно обрушился на детского футуриста Богомолова⁴ за то, что тот блестяще (как видим из анкеты Вольфа) побил рекорд детских поэтов, оставив за бортом и Чарскую,⁵ и Пожарову,⁶ и самого Городецкого. Вот причина зла, а я, по своему простодушию, не учел этого обстоятельства. Могу показать Вам бесчисленное множество вырезок с отзывами о моей книге⁷ и нигде, за исключением известной Вам статьи,⁸ не сказано ни о Вас, ни о Федоре Кузьмиче *ни слова*. Вот показатель безобидности моего, может быть, наивного поступка, а уж Городецкий нашел бы случай оскорбить Вас, потому, — у человека такие запросы, не может иначе, — если не полаять, так кошку задушить. Бог ему — злому человеку судья! Перед Вами же и Федором Кузьмичом очень извиняюсь и даю слово никогда и нигде не связывать Вашего и Федора

Кузьмича имени со своим, если это уж так Вас угнетает. Был бы очень огорчен, если бы не верил, что Вы вспомните, как в присутствии Северянина и Богомолова в Симферополе разрешили мне напечатать в книге Ваше стихотворение. В помещении в Богомоловской брошюре Вашего портрета, повторяю, я ни капельки не виноват, обидеть Вас никогда не помышлял. Моя сторона — мир, ибо жизнь так коротка и омрачать ее неприятностями преступно.

Прощайте, Анастасия Николаевна!

Низкий поклон Федору Кузьмичу.

Целую Вашу руку. В. Сидоров.

Симферополь.

21/II 1914

¹ Поэтический сборник Баяна «Лирический поток» открывался посвященными Баяну стихами Чеботаревской, Сологуба и Богомолова.

² Поводом письма Чеботаревской к Баяну стала статья С. М. Городецкого «Январские сборники», где отмечалось о нем: «...смышлелый автор сюда же присоединил стихотворение Анастасии Чеботаревской и „триолет“ Федора Сологуба, ему посвященные. Пышное начало! Но истинная ценность этой книги обнаруживается тут же: „Я сплету ожерелье из женщин / На свою упоенную грудь“. Конечно, дальше будут „бархатные постели“ и „лиловые пенюары“. Но это мы уже слышали от современных Епиходовых. Дальше будет хуже, а именно: „дюшес грудей“. Поистине разбушевалось море мещанства в наши дни! Не удивительно, что Игорь Северянин или Анастасия Чеботаревская поддерживают эту бурю по мере своего авторитета. Но Федор Сологуб, тонкий поэт и ядовитый критик?» (Речь. 1914. 3 (16) февр. № 33. С. 3).

³ Речь идет об издательстве «Товарищество М. О. Вольф», выпустившем книгу В. Баяна. Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) — издатель, книготорговец, после его смерти издательство стало называться «Товарищество М. О. Вольф».

⁴ В рецензии С. М. Городецкого «Январские сборники» (см. прим. 2) содержится уничижительная критика книги Б. Д. Богомолова «Царевна Зоренька».

⁵ Чарская (Чурилова, урожд. Воронова) Лидия Алексеевна (1875–1937) — поэтесса, детская писательница.

⁶ Пожарова Мария Андреевна (1884–1959) — поэтесса.

⁷ На книгу Баяна «Лирический поток» выявлены следующие рецензии: Библиография // Голос Руси. 1914. 18 янв. № 18. С. 4; *Н. Ш.* Вадим Баян. Лирический поток // Московские ведомости. 1914. 28 янв. № 22. С. 5; *Ipse.* Два Вадима Баяна // Одесский листок. 1914. 31 янв. № 29. С. 1; *Кречетов С.* Среди книг // Утро России. 1914. 22 февр. № 44. С. 2; *Суханов В.* Напудренные поэты // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1914. № 2. Февраль. Стб. 51–53; *Пяст В.* Отзывы о книгах // Отклики. Литература. Искусство. Наука. 1914. № 6. С. 11–12 (бесплатное приложение к № 43 газеты «День»); *Евг. В <енский>.* Библиография // СПб-ский Биржевой день. 1914. 18 февр. № 70. С. 4; *Белый Волк.* На Парнасе неладно // Голос Москвы. 1914. 27 апр. № 97. С. 3; *Читатель.* Вадим Баян. «Лирический поток» // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 3. С. 19; *А. О.* [Осипов А. И.]. Вадим Баян. Лирический поток. СПб., 1914 // На досуге. 1914. № 1. Март. С. 24; *Д. Ц.* [Цензор Д.]. В. Баян. Лирический поток // Златоцвет. 1914. № 7. С. 18.

⁸ Речь идет о статье: *Городецкий С.* Январские сборники // Речь. 1914. 3 (16) февр. № 33. С. 3.

10

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь

21/IV 1914

Дорогой

Федор Кузьмич!

Сердечное спасибо за память обо мне и присыл «Дневников Писателей». Я тронут до слез Вашей добротой ко мне и великодушным отношением. Меня сильно угнетала

мысль о потере того, что впервые осветило и открыло мою маленькую, юную жизнь и возрастило ее своей близостью и теплотой. Если я обидел Вас напечатанием в своей книге Ваших стихов, то очень прошу простить мне это ради безоблачности земной жизни и величия всеобъемлющей человеческой души, тем более что я это сделал по неопытности да по совету Либровича.¹ Ласково приветствую Вас и солнечную Анастасию Николаевну и посылаю новые стихи.² Был бы рад, если бы они подошли к Вашему хорошему и приятному журналу и были в нем напечатаны. Теперь я стал более самостоятельным, независимым и современным, и если в «Сюите» с первого взгляда похож на Северянина, то только современностью и вольнодумством. Мой путь своеобразен и независим. Переживаю обычный период эротики, но дойду и до философии. Развиваюсь быстро и открыт. Научился читать более или менее сносно и с успехом выступал в разн<ых> городах.³ Между прочим, имел неосторожность выступить в нескольких городах с бесцеремонными кутилами кубо-футуристами,⁴ из-за которых много перестрадал нравственно и попусту потратил 3000 р.⁵

Искренне уважающий Вас
и душевно Вам преданный В. Сидоров

Был бы рад получить от редакции уведомление о судьбе посылаемых стихотв<орений>.

¹ Либрович Сигизмунд Феликсович (1855–1918) — прозаик, мемуарист, журналист, историк книги.

² Авторизованные машинописи стихотворений «Сюита» («Ты прощалась эстетно, ты прощалась душевно...»), «Баядерка» («Ты — ласка юная! ты — сон пленительный!...»), «Шепот» («Я сегодня маленький, я сегодня крошечный...») сохранились в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 32).

³ Речь идет об участии Баяна в двух поэтических турне: «Первая олимпиада футуристов» вместе с И. Северяниным, В. Маяковским и Д. Бурлюком, а также в последовавшем за ним турне эгофутуристов (И. Северянин, В. Ховин, В. Баян, С. Шамардина). Подробнее об этих поэтических турне см.: *Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор.* М., 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 375–451.

⁴ Выступления Баяна вместе с кубо-футуристами Бурлюком и Маяковским состоялись в Симферополе (7 января 1914 года), Севастополе (9 января 1914 года) и Керчи (13 января 1914 года). О богатом приеме, устроенном Баяном Северянину и Маяковскому, впоследствии вспоминали Северянин (*Северянин И. Соч.: В 5 т. Т. 5. С. 171*), Бурлюк (*Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения.* СПб., 1994. С. 67–68) и сам Баян (*Баян В. Маяковский в Первой Олимпиаде футуристов // Арион. 1997. № 1. С. 86–90, 93–96*).

⁵ Данное признание свидетельствует о том, что именно Баян нес все расходы по организации турне. Тогда же в письме Богомолу (8 марта 1914 года) В. Баян сообщал: «Турне у нас поставлено на товарищеских началах, причем начало субсидировал я как более денежный человек. Ввиду того, что в первом турне Маяковский и К^о пропили моих денег 1300 руб., я не мог много затратить на второе турне и затратил 1200 руб. Северянин и лично и письменно обещал мне шалыпинские сборы и тем поощрял к скорейшей организации вечеров, я как мальчик верил и тратил деньги» (Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу [8 марта 1914 года] // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 18–19). В 1950-е годы (когда ему невыгодно было афишировать свой статус крымского помещика) в переписке с Б. В. Смиренским Баян уже утверждал прямо противоположное, будто субсидировал турне не он, а его симферопольские знакомые (Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. П. Дмитренко и А. В. Крусанова. С. 359), что противоречит данным признаниям о собственных тратах.

11

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Мне очень хочется доказать злобствующей и бессовестно заплеывающей меня критике, что я не пошляк (как она, глупая, думает),¹ а *своеобразный* философ, несущий

совершенно новое слово, на которое не хотят обратить внимание большие писатели. Чтобы скорее достигнуть желаемого, я очень прошу Вас напечатать в «Дн<евниках> Пис<ателей>» «Свободный монолог», который при сем посылаю, как доказательство наличности во мне серьезной философии сильного духа и здорового мирозерцания. Мне кажется, что только в Вашем журнале и можно свободно и смело высказаться.

Извиняюсь за беспокойство и за смелое слово о себе. Вынужден.

Привет многоуважаемой Анастасии Николаевне.

Душевно Ваш В. Сидоров

6/V 1914

¹ По-видимому, данное высказывание является реакцией на рецензию Дмитрия Цензора: Д. Ц. [Цензор Д.]. В. Баян. Лирический поток // Златоцвет. 1914. № 7. С. 18. На эту рецензию Баян отреагировал в письме Богомолу весной 1914 года; см.: РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 27–28; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 179.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-182-189

© Т. А. Пахарева (Украина)

НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «НА КАМЕННЫХ ОТРОГАХ ПИЭРИИ...»*

Мандельштамовская эпиталама, написанная в дни знакомства с Н. Я. Хaziной (далее Н. Я.), настолько скрупулезно и полно прокомментирована с точки зрения литературно-мифологических параллелей и источников, прежде всего, К. Ф. Тарановским и Г. А. Левинтоном, что у самой Н. Я. можно уловить даже некоторую досаду по поводу «русско-американских профессоров, которые считают, что даже слово „весна“ Мандельштам заимствовал у Вячеслава Иванова».¹ В этом раздраженном замечании звучит желание отстоять не только самобытность поэта О. Мандельштама (далее О. М.), но и, как представляется, ту реальность, которая вызвала к жизни «стихи о свадьбе и черепахе»² и которая несколько ступевалась за монументальным массивом интертекстуальных наблюдений исследователей.

Между тем, если исходить не только из факта написания стихотворения «на случай» импровизированной свадьбы, но и из мандельштамовского пафоса реабилитации реальности в наполненном вещественностью слове,³ то имеет смысл поискать в этом тексте киевские приметы весны 1919 года, ведь художественный мир «На каменных отрогах...» все же должен хранить следы двойной принадлежности — к не только литературно-мифологическому, но и культурно-историческому и даже бытовому контексту того события, которым инспирировано стихотворение. Пример этой двойной принадлежности приводится, прежде всего, естественно, в самих воспоминаниях Н. Я., которая указывает на несомненность того, что «пестрый сапожок» Сафо пришел в текст стихотворения и из перелистанных О. М. в ее комнате ивановских пе-

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Р. Д. Тименчика и Г. А. Левинтона за ценные замечания и советы, полученные при подготовке этой работы к печати.

¹ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга: Воспоминания / Подг. текста, предисловие, прим. М. К. Поливанова. М., 1990. С. 32.

² Там же.

³ «Еще раз я уподоблю стихотворение египетской ладье мертвых. Все для жизни припасено, ничего не забыто в этой ладье» (*Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 81), — напишет Мандельштам в 1922 году в статье «О природе слова», само название которой имплицитно, через переключку с названием «О природе вещей» Лукреция, апеллирует к идее вещественности слова.